
Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. М., Терра, 1994.
OCR Бычков М.Н.

I

Зимой городок затихал. Все, что было в нем молодого, беспокойного, разъезжалось по большим городам. Оставались одни старики духом и телом, жили по непоколебимому, однообразному порядку: играли в карты, служили, читали и думали, что это правильная жизнь. На улицах тихо лежал неподвижный, холодный саван белого снега, а в домах тихо и сонно копошились конченные люди. А весной, когда черная, влажная земля начинала пахнуть и везде зеленело, и солнце радостно грело, высушивая каждый бугорок, и по вечерам было тихо и чутко, – каждый день с поездом кто-нибудь приезжал домой, и на улицах показывались оживленные, свежие лица, такие же молодые и радостные, как весна. И так же естественно, как прилетали на старые гнезда птицы, как росла на старых местах трава, было то, что именно весной все молодые, жизнерадостные люди возвращались в свой маленький, тихий, немного грустный городок.

Так, в мае приехал сын недавно умершего председателя уездной земской управы, студент-математик Иван Ланде.

Целый день он просидел с матерью, все время с тусклыми, усталыми слезами рассказывавшей ему о смерти отца; а когда стало смеркаться, взял фуражку и пошел на бульвар, над берегом большой реки, еще полной от весенней воды. Там в одном месте берег падал вниз крутым обрывом и над ним были две лавочки из старых зеленых и мягких от сырости досок.

За рекой стемнело. Даль ушла куда-то в темный простор. На потемневшем глубоком небе тихо и незаметно высветились звезды, и все было полно той торжественной тишиной, когда кажется, что кто-то незримый, величавый и спокойный стоит над землей.

Только далеко внизу, на реке, протяжно, с непонятной тревожной грустью, точно предостерегая и напоминая о чем-то печальном и неизбежном, кричал пароход, и на широком речном стекле, странно светлом, когда везде было темно и черно, видна была беспокойная черная точка, быстро оставлявшая за собой ровную широкую серебряную полосу.

На бульваре было безлюдно и пусто. Только из окон клуба падали на землю желтые полосы света и в них двигались беззвучные тени, да на самом обрыве смутно чернели фигуры, вспыхивали вздрагивающие огоньки папирос и еще издали слышались голоса и смех. Ланде спокойно и тихо шел туда и улыбался. Он был легкий и тонкий человек, и шагов его почти не было слышно на мягкой земле.

– ...Запоем песню ли закричим так, чтобы на том берегу было слышно! – говорил полный и звонкий женский голос, и слова его мягко и радостно вспыхивали в густом теплом воздухе.

– Начинайте! – задорно отвечал мужской голос, и кто-то смеялся.

Ланде подошел и сказал:

– Здравствуйте!

Он говорил тихо, но внятно и спокойно, и его всегда было слышно.

– А, Ланде! – обрадованно и так резко, что садилось в ушах, закричал маленький, угловатый студент и через головы других протягивал ему большую руку, торчавшую из коротких рукавов тужурки.

Ланде, мягко улыбаясь, с удовольствием крепко и долго пожал ему руку и так же любовно и ласково стал здороваться с другими. Все радостно и оживленно пожимали его худую руку, и было что-то такое простое, искреннее, хорошее в этой общей радости, что ею заразился даже никогда еще не выдавший Ланде приезжий художник Молочаев, большой и сильный человек в широкой шляпе. Когда Ланде подошел к нему и сказал:

– Я – Ланде, познакомимся.

Художник ответил:

– С большим удовольствием! – и с улыбкой посмотрел ему в лицо, точно заглядывая в душу сквозь его чистые и спокойные глаза.

– Я уж о вас слышал! – прибавил он. Голос у него был твердый и звучный,